

В 2009 году исполняется 110 лет со дня рождения русского писателя В.В. Набокова. К этой дате в Литературной гостиной Камчатской краевой библиотеки им. С.П. Крашенинникова прошел вечер «Наши «Другие берега»».

Вечер проходил в форме монолога ведущей. Приглашенные артисты читали стихи, отрывки из произведений писателя. В данной методической разработке я посчитала неверным навязывать вам тот или иной текст, а оставить каждому возможность личного выбора.

В основу художественного оформления зала, где проходил наш вечер, было положено одно из любимейших увлечений Владимира Набокова – бабочки. Были представлены фотографии самого писателя в различные годы жизни, его родных и тех мест, где он жил.

Также на вечере можно было увидеть обширный видеоматериал (фотографии, отрывки из фильмов).

Буду рада, если предложенный материал и представленный библиографический список поможет вам в работе.

Ева Островская

***О, нет, то не ребра
- эта боль, этот ад –
это русские струны
в старой лире болят.
(В. Набоков)***

Зимой 1951 года Владимир Набоков вышел из дома и развел огонь у мусорных бачков рядом с крыльцом. Немного постоял – и начал подбрасывать в пламя листы рукописи, которые держал за пазухой. Сосед, наблюдая сцену в окно, позвал жену Набокова Веру. Она бросилась на улицу. Выхватила, что успела, из огня и увела мужа в дом. Он не сопротивлялся.

Это была рукопись «Лолиты», и Набоков просто устал. Устал, краснея, брать в библиотеке книги вроде «Особенности полового созревания у девушек». Изучать рекламу тампонов и средств от прыщей. Тайком подбираться поближе к группкам девочек в автобусах и подслушивать их разговоры. Вера сказала, что ему нужно отдохнуть. Через 4 года он закончил рукопись. В 1955 году роман был издан во Франции (на английском языке), а потом и в США. Сто тыс. экземпляров разлетелись в Америке за 3 недели. Стэнли Кубрик купил права на экранизацию за 150 тыс. долларов. Очень скоро тираж «Лолиты» превысил суммарные тиражи всех набоковских книг на всех языках мира вместе взятых, принеся ему всемирную известность и финансовое благополучие. Кто знает, может быть, именно пресловутая «Лолита» переживет все многосложные произведения Набокова...

Писателя часто в интервью спрашивали, как успех «Лолиты» изменил его жизнь. Он отвечал: «Я оставил преподавание – вот, пожалуй, и все изменения. Заметьте, мне нравилось преподавать, я любил Корнеллский университет, я любил составлять и читать лекции о русских писателях, о великих европейских книгах. Но когда вам около 60-ти, да еще и зима, процесс преподавания начинает казаться физически утомительным: вставать в определенное время каждое второе утро, бороться со снегом на подъездной аллее, потом идти длинным коридором в аудиторию».

После успеха «Лолиты», казалось, писатель мог бы подумать о том, чтобы обзавестись собственным домом, ведь теперь Набоковы могли себе позволить многое. Да и в Америке, в любви к которой писатель не раз признавался, было прожито уже немало лет. Но этого не произошло. Вот как сам Набоков говорил об этом: «Основная,

фундаментальная причина заключается, я полагаю, в том, что меня могла бы удовлетворить только точная копия обстановки моего детства. Но я никогда не смогу воссоздать ее в полном соответствии с моими воспоминаниями, так зачем же зря тратить силы на безнадежные попытки? Нужно учитывать и другое, например, фактор начального толчка и последующей инерции. Я вылетел из России с такой скоростью, с такой жестокой силой, что так и качусь с тех пор.

Я не слишком люблю мебель, ковры и все такое – возможно, потому, что в моем обеспеченном детстве меня научили относиться с легким презрением к чрезмерной привязанности к материальному богатству, поэтому я не испытывал сожаления и горечи, когда революция его уничтожила».

У Жан-Поля Сартра в автобиографической повести «Слова» сказано: «У каждого человека свои природные координаты: уровень высоты не определяется ни притязаниями, ни достоинствами - все решает детство. Моя высота - шестой этаж парижского дома с видом на крыши». У Набокова этими координатами был дом в Санкт-Петербурге на Большой Морской, 47, где ныне возник музей писателя, а потом уже усадьба в селе Рождествено, на берегу Оредежи, его «моховой, седой и рыжий рай».

В своих мемуарах «Другие берега» Набоков сетует на то, что при всей его собранности и внимании к подробностям не успел, пропустил, не увез в памяти с собой многие особенности русской жизни, пронизанные запахом «травы родины».

«Мама, милая мама, вчера я проснулся среди ночи и спросил у кого-то – сам не знаю у кого – у ночи, у звезд, у Бога, неужели мы и в самом деле больше никогда не вернемся, неужели все и в самом деле стерто, уничтожено? Мама, мы ведь должны вернуться, правда, не может быть, чтобы все это умерло, обратилось в прах – подобная мысль может свести с ума! Мне так хочется описать каждый кустик, каждую веточку в нашем чудном парке – этого никому не понять», - это отрывок из письма Владимира Набокова своей матери, которое он написал, учась в Кембридже.

Мама - Елена Ивановна Рукавишникова, наследница древнего купеческого рода владельцев Ленских золотых приисков. Отец - Владимир Дмитриевич Набоков, знаменитый юрист и сын знаменитого юриста (министра юстиции при Александре II), представитель древней дворянской и приближенной ко двору фамилии. Под занавес девятнадцатого века (22-го — 10-го по старому стилю — апреля 1899 г.) был вызван к жизни интересный нам мальчик.

«Я с ним (с отцом) связан был тем же тайным ровесничеством, каким тогда был связан с матерью или как сегодня связан с сыном». При чем это тайное ровесничество с родителями (признается 55-летний писатель в «Других берегах») усугублялось сыновним «слепым обожанием». Справедливости ради скажем, что только такого отца, как Владимир Набоков-старший, и мог обожать такой сын, как Владимир Набоков-младший. Старший Набоков берет уроки фехтования у лучших фехтовальщиков Петербурга. Он боксер, теннисист, меломан, театрал, энциклопедически начитан. Он обласкан при дворе, но, с юности имея авторитет блестящего юриста, не может не поддерживать идею правового государства, ибо печется о благе России. Вместе с Милюковым он затевает кадетскую партию и редактирует газету «Речь». Он вызывает на дуэль издателя «Нового времени» Суворина по причине публикации в газете оскорбительной для себя статьи (к счастью для себя, Суворин не рискнул фехтовать с Набоковым, принес свои извинения, и дуэль не состоялась). Он защищает евреев от погромов. Он противник смертной казни. Богатство позволяет ему быть расточительно-щедрым и эффектно восстанавливать социальную справедливость за счет возможностей собственного кармана (завтрак прерывается, потому что благодарные крестьяне требуют хозяина, чтобы его качать). Угодив-таки за свои антимонархические идеи в «Кресты» (политическая тюрьма в Петербурге), он читает, изучает итальянский, купается в складной резиновой ванне и занимается гимнастикой. Это он причастен к составлению текста отречения великого князя Михаила. Это он в знаменитой речи в Государственной думе провозгласил формулу

российской свободы: «Власть исполнительская да подчинится власти законодательной». Но во Временном правительстве, правительстве своих друзей, он занял теневую и хлопотную должность управляющего делами.

Каково мальчишке состоять с этим ярким, живущим у всех на виду человеком в скрытых от любопытных глаз отношениях ровесничества! Отыгрывать очки на теннисном корте, устроенном по всем правилам спортивных знаний прямо на берегу Оредежи. Путешествовать на велосипедах. Озадачивать шахматными задачами. Хвастать коллекциями удивительных бабочек, обитателей дремучих чащ и топей. И предпочитать всем и всему тех же, что и отец: Пушкина (позже этот мальчик скажет: «Быть русским - значит любить Пушкина»).

«Свобода детского волеизъявления» - так формулируют набоковеды воспитательную идею Набоковых. Здесь принцип первый — «Балуйте детей побольше, господа, вы не знаете, что их ожидает!» — подкреплялся принципом вторым: «Обращаюсь ко всем родителям и наставникам: никогда не говорите ребенку «Поторопись!» Мама Елена Ивановна Набокова достигла в этом направлении предельных высот. «Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе — таково было простое правило», — вот данная сыном характеристика матери как человека и как воспитателя. И она любила своего первенца всей душой, хотя тайные узы лактации не связывали мать и дитя, ибо Елена Ивановна Набокова по обычаю дам своего круга грудным вскармливанием пренебрегала.

Судя по тому, сколько игрушек было у маленького Димы Набокова (сына бедного эмигранта Владимира Набокова), можно только вообразить, какие дары волхвов принимал из щедрых родительских рук сам Владимир Набоков дитя. Существовал, например, целый ритуал исполнения желаний больного ребенка, от которого неизвестно кто больше получал удовольствия — мать или дитя. Маме нужно было изощриться. Маме нужно было предвосхитить самые смелые желания больного наследника. И по крайней мере однажды маме это удалось: ребенок удивился на всю жизнь. Сцена подношения огромного (и настоящего!) карандаша, украшавшего витрину магазина на Невском, описана и в «Других берегах», и в «Даре».

А писание с матерью акварелей? А поверенные ей самые невероятные бредни и первые любовные стихи? Заболевшая накануне Рождества мама честно по-детски разрыдалась, когда дети нарушили уговор (развернуть подарки у постели больной) и, не утерпев, распотрошили свертки не сходя с места, а потом, завернув все вновь, в материнской комнате лишь бездарно имитировали первый восторг.

Это с обожаемым отцом Набокову-сыну удастся быть по-мужски сдержанным. Зато с обожаемой матерью — вся душа нараспашку.

А вот и неперемный результат подобной педагогики. «Был я трудный, своенравный, до прекрасной крайности избалованный ребенок», — с восторгом вспоминает писатель. Остается только гадать, почему предельная избалованность прекрасна. Быть может, потому, что это гарантия органической неспособности корезить свое «я», как бы этого ни требовали обстоятельства? Но именно такую свободу, эту смелость быть непохожим на кого бы то ни было мы ценим в Набокове-писателе. Как же славно, что мама была последовательна в своем баловании и предсказания педагогов ее не пугали! И конечно, ей это удалось потому, что общение с обожаемым капризулей не было изматывающей рутинной. Мать, как большой художник, лишь касалась легкой рукой подготовленного подмастерьями полотна. И как большой художник она давала ему уроки, уроки счастья.

Мать много выезжала. Она увлекалась картами и просиживала в гостях за карточным столом ночи напролет. При этом «все, что относилось к хозяйству, занимало мою мать столь же мало, как если бы она жила в гостинице. Не было хозяйственной жилки и у отца. Занятый политической и редакторской деятельностью отец редко бывал дома. Правда, он заказывал завтраки и обеды». И в доме царила «веселая воровская

свистопляска». А плоды идеологии свободы детского волеизъявления пожинали гувернантки. Эти гувернантки, обязательно иностранные, несли при юном писателе вахту каждые двадцать четыре часа его счастливого детства.

Однако кто только не появлялся в доме Набоковых в качестве воспитателей их детей! Вот какая-то англичанка, оказавшаяся лесбиянкой. Некая «мадемуазель, заставлявшая двести раз кряду переписывать штрафную фразу: „Qui aime bien, chatie bien"», и тут же латыш, который наказывал ребенка боксом, отражая его «детский натиск ужасными, обжигающими ударами в лицо», которые причиняли «невозможную боль». Щеголь поляк с внешностью Макса Линдера, всегда носивший при себе револьвер и флиртовавший с окрестными барынями. И наконец, совсем уж невежественная и зловещая личность — сын обедневшего симбирского помещика, просвещавший ребенка рассказами о собственных победах над прекрасным полом. Набоков на всю жизнь запомнил, как этот гувернер проспорил ему «отличный кастет», так как смел утверждать, что письмо Татьяны начинается так: «Увидя почерк мой, вы верно удивитесь». В довершение всего он женился на некой «моложавой родственнице» Набоковых, которую потом, став комиссаром, «сбыл» на Соловки.

И все эти педагоги и «педагоги» почитались Набоковыми-старшими и жили на положении членов семьи (даже по окончании педагогической деятельности). Это были люди с трудной судьбой, сложным характером, неспособные ужиться друг с другом. Француженку, тучную мадемуазель, надо было особенно куртуазно приглашать к столу, в противном случае следовали рыдания. Гувернер Ленский, получив от Владимира-сына очередную карикатуру на себя, врывался к хозяйке дома и, бросив бумажный листок на стол, восклицал: «Вот последнее произведение вашего дегенеративного сына!» При этом еврей Ленский и старые приживалки-родственницы, симпатизировавшие Союзу русского народа, не переваривали друг друга. На долю Елены Ивановны выпадала нелегкая работа миротворца.

Конечно, родители Набокова, безоглядно любящие своих детей, были по-русски непоследовательны, а также они были подвержены всем модным поветриям своего круга и своего времени.

К концу 19 века в благородных российских кругах мода на все французское сменилась модой на все английское. Но Набоков-отец был, пожалуй, самым завзятым англоманом из всех российских англоманов своего времени. Не говоря уже о совершенном знании языка, он мог, например, пере числить чуть ли не триста имен героев Диккенса. Как представитель левого политического крыла, он принимал у себя дома социалиста и писателя Герберта Уэллса. Теннисные корты в летнем имении устраивали по всем правилам английской науки рабочие, выписанные из-за границы. И весь семейный быт, начиная с невиданной в России зубной пасты, был подчеркнута английским. Первые няньки детей были английскими няньками. И на ночь дети читали английскую молитву, глядя на православную иконку. Володю в детстве называли на английский манер «Лоди».

Вероятно, каждая статья о Набокове непременно содержит цитату из «Других берегов», подтверждающую, что первым языком русского барчука был английский: «Помнится, кроме таких слов, как „какао", я ничего по-русски не мог прочесть».

И вот однажды в один из своих редких наездов в имение англоман-отец вдруг обнаружил, что его шестилетний сын едва читает по-русски. Очевидно, это произвело на него довольно сильное впечатление. Потому английское засилье кончилось в тот же момент, и буквально на следующий день к детям был приглашен русский учитель из местной отстроенной Набоковыми школы.

Впоследствии Набоков-сын очень убедительно развенчал англоманию русского происхождения. Бедному эмигранту Набокову удалось исполнить заветную детско-юношескую мечту — поступить в Кембридж, что стоило его матери последних жемчугов. И вдруг двадцатилетний воспитанный англичанином Набоков, у которого до конца дней сохранилась «некоторая неприятная для петербургского слуха брезгливость

произношения в разговорном русском языке», обнаружил, что все по-настоящему английское его по-настоящему раздражает: «Чужие, гладкие лица, очень милые, что и говорить, — но всегда напоминающие объявления о мыле для бритья, и вдруг становится так скучно, так нудно, что хоть гикни и окна перебей...» То есть англичанином Набоков выглядел только в русской среде, где и получил традиционное для своего круга образование и воспитание.

Итак, до одиннадцати лет мальчик воспитывался дома сначала английскими (лет до 6), потом французскими гувернантками. Мальчики и девочки (два брата, две сестры) воспитывались совершенно раздельно. Спорт — теннис, бокс, фехтование, футбол — занимал почетное место в системе воспитания. Почти ежегодно ребенок отдыхал на зарубежных курортах — в Ницце, Биаррице, на Адриатике. Только одиннадцати лет англо-франко-русскоговорящий ребенок пошел в школу — в самое престижное, прогрессивное и дорогое Тенишевское училище. И наконец уже эмигрантом завершил образование (1919-1922) в Trinity College в Кембридже.

Но образование Набокова уникально тем, что ему удалось довести до профессионального совершенства любимые занятия детства. А ведь у многих детские увлечения — а они самые сильные и цельные — с возрастом почему-то проходят без следа, и намеком не присутствуют во взрослой жизни. Профессиональная жизнь Набокова — полноправная наследница детства, ни минуты из которого, как оказалось, не было потрачено зря. Возможно, это и есть самый впечатляющий результат описанного выше «тайного ровесничества» между ребенком и родителями. Ведь и в Кембридже он только тем и занят, что совершенствует приобретенные дома знания. Французская литература и философия, русская литература, энтомология — странный набор знаний для нищего эмигранта, которому, казалось бы, могли бы обеспечить кусок хлеба занятия международным правом и банковским делом. Но и в трудную для семьи минуту родители одобрили такой непрактичный выбор.

Профессиональный энтомолог Набоков всю жизнь и везде (а он ловил бабочек по всему миру примерно полвека) убеждался, что вид человека с сачком у всех вызывает нездоровый, иногда агрессивный интерес. Кроме его родителей. «Кажется, только родители понимали мою безумную угрюмую страсть», — вспоминает он. А начиналась эта страсть так же, как у всех: однажды на седьмом году жизни ребенок увидел «первого своего махаона». Но с кем не бывает? Какой нормальный ребенок в определенные периоды своего взросления не собирает гербарий, не держит птичек и рыбок, не просит собаку? Но набоковская мама сумела разглядеть в увлечении ребенка не детскую блажь, а настоящую недетскую страсть на всю жизнь. И смело отменяла все столь очевидно полезные занятия ради ежедневной пятичасовой прогулки сына с сачком. Лет десяти от роду, Володя послал описание редкого и, как ему казалось, еще одного неизвестного вида в британский журнал «Энтомолог». Проведя экспертизу, редактор журнала обнаружил, что бабочке уже присвоено имя. Вместе с тем, он похвалил рисунок мальчика. Никто тогда не предполагал, что целую жизнь спустя имя Набокова будут носить три открытые им бабочки и лозаннский музей с благодарностью примет посмертный набоковский дар — уникальную коллекцию из 4323 волшебных созданий.

«Мои родители всегда хотели, чтобы я хоть что-нибудь делал на пределе своих возможностей», — вспоминает Дмитрий Набоков, сын писателя, который считает, что его воспитывали на тех же принципах, что и отца.

Невероятной дотошностью, без которой невозможно совершенствоваться ни в чем, а тем более создать свой собственный литературный английский язык, писатель заразился тоже в родительской семье. Излюбленным его чтением были толковые словари - и русский, и английский. И на вопрос: «Какой автор повлиял на ваше творчество?» — он всегда отвечал: «Webster».

И еще один детский образовательный след: всю жизнь писатель Набоков прекрасно рисовал. Его способности художника (с 10 до 15 лет) развивал на дому не кто-нибудь, а

сам Добужинский. Впоследствии писатель Набоков признал, что живописные приемы, усвоенные на уроках Добужинского, ему удалось перенести в литературу.

Когда Владимир Набоков, одиннадцатилетний продукт такого домашнего воспитания, пошел в школу — в престижное Тенишевское училище, он знал два иностранных языка, был прекрасным спортсменом, хорошо рисовал. Но был совершенно неконтактен и необуздан (мог, например, на спор прямо в костюмчике влезть в бассейн для водяных растений в школьной оранжерее).

Но среднее учебное заведение, куда посчастливилось попасть мальчику, принципиально отличавшееся от классических гимназий своего времени, и сегодня считалось бы передовым. Школа именовалась «Тенишевское училище» по имени спонсора, князя Тенишева, который выстроил (за два года!) удобное здание — невиданный в Петербурге ни до, ни после памятник школьной архитектуры: со стеклянной стеной, которую составили огромные, во всю стену, окна классных комнат, с оранжереей, с лабораториями, с художественными мастерскими, с маленькой обсерваторией. В Тенишевском училище удивительные люди (например, поэт Владимир Васильевич Гиппиус, физиолог Тарханов) преподавали удивительные предметы (например, космографию, физиологию, законоведение). Широко использовался наглядный демонстрационный метод преподавания: в лабораториях жгли, взрывали, резали лягушек, в мастерских — рисовали, мастерили, лепили, пилили, в классах — изучали в подлиннике немецкую и французскую классическую литературу. В этой школе отказались от школьной рутины: школьной формы, дневников, классных журналов. Разрешалось драться (считалось, что это развивает), но по правилам. Самое страшное наказание — отстранение от уроков. Оценок не ставили — зато дважды в год делились в письменном виде своими впечатлениями о детях с их родителями. Школа гордилась тем, что здесь вместе учились дети разных сословий и национальностей. Классы были малочисленны (по 20 человек). Ставилась благородная и трудновыполнимая цель — развивать творческие способности каждого, сбивая при этом разношерстный детский коллектив в особое братство тенишевцев.

Если учителя прикладывали удивительные, достойные всяческих похвал усилия, чтобы превратить Набокова в «тенишевца», то он, напротив, стремился не отдавать школе «ни крупницы души, сберегая все силы для домашних отряд — своих игр, своих увлечений и причуд, своих бабочек, своих любимых книг».

«Наибольшее негодование возбуждало то, что уже тогда я испытывал непреодолимое отвращение ко всяким группировкам, союзам, объединениям, обществам». А тут еще демонстративно роскошный папин автомобиль, привозивший барчука в школу! Набоков особенно отличался по рисованию и футболу, балансируя по остальным предметам в основном между «хорошо» и «удовлетворительно». Когда мальчик сползал на «весьма удовлетворительно» или даже маячил «неуд» (в основном по математике), на помощь приходили домашние репетиторы.

«Другие берега» свидетельствуют: «Меня обвиняли в нежелании „приобщиться к среде“, в надменном щегольстве французскими и английскими выражениями (которые попадали в мои русские сочинения потому, что я валял первое, что приходило на язык), в категорическом отказе пользоваться отвратительно мокрым полотенцем и общим мылом в умывальной».

Преподаватель ручного труда оставил сохранный архивом отзыв о Владимире Набокове, который любил мастерить: «Одинок. Чувства товарищества нет».

Писатель Олег Васильевич Волков, автор романа «Погружение во тьму» — одноклассник Набокова по петербургскому Тенишевскому училищу, вспоминал о Набокове-подростке. Если воспроизвести кратко, то его впечатления были следующими: крайняя собранность, сосредоточенность на собственном мире, на своих интересах, спортивность — обыгрывает всех своих одноклассников в теннис и в шахматы.

Приятельские отношения или дружбу имел с одним-двумя соучениками, был необщителен.

Вечный спор, что важнее в жизни ребенка — семья или школа, в отношении Набокова однозначно решался в пользу семьи. Космография, прививание начатков коллективизма, диспуты на политические темы — все эти сами по себе прекрасные начинания едва переносились учеником Набоковым, словно школьный и семейный уставы противоречили друг другу. Мальчик, переступивший порог школы, похоже, был уже зрелым гражданином — гражданином своей семьи.

Владимир Набоков был с детства приучен ценить, разглядывать, коллекционировать живые будничные подробности. Это мама научила его останавливать мгновения — значит, быть счастливым. Это очень просто. «Вот, запомни», — говорила она с таинственным видом, предлагая моему вниманию заветную подробность: жаворонка, поднимающегося в мутно-перламутровое небо бессолнечного весеннего дня, вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положениях далекую рощу, краски кленовых листьев на палитре мокрой террасы, клинопись птичьей прогулки на свежем снегу». И он — запомнил. И это ему очень пригодилось в дальнейшей эмигрантской жизни.

Когда большевики так талантливо и кроваво насмеялись над прекрасными до нелепости идеалами тех, кто фактически проторил им путь к власти, Набоков старший выдерживает до конца трагическую роль рыцаря печального образа. В Крыму, куда после Октябрьского переворота переехала вся семья, он становится министром юстиции крымского краевого правительства, пытаясь осуществить утопию — превратить в правовое государство «остров Крым» (забудем ассоциации с Аксеновым), уже тонущий в кровавом море произвола и бесправия.

В 1919 году Набоковы через Турцию, Грецию и Францию добрались до Англии. В том же году Владимир стал студентом Кембриджского университета, в 1922-м он его с отличием закончил. После окончания университета Владимир Набоков переехал в Берлин, где в те годы сосредоточилась литературная и интеллектуальная эмиграция из России, и где его отец основал эмигрантскую газету «Руль».

В 1922 году на одном из эмигрантских собраний отец принял пули, предназначенные его другу — лидеру кадетской партии Павлу Милюкову (соратнику по партии, с которым у него уже оформились политические разногласия). Набоков повалил «лысого блондина с лицом дегенерата» (впечатление репортера), открывшего стрельбу по Милюкову. Тогда приятель «лысого» выпустил три пули в спину Набокова-старшего.

«Потрясенное сознание, протестуя, не веря, не допуская, вызывает у меня живой образ живого человека. Рослый, красивый, гордый, быть может, слишком не по нынешним временам красивый и гордый человек, из породы отменных, отмеченных русской расы: Владимир Дмитриевич Набоков. Человек с высокой душой, с возвышенным умом. Про таких людей говорят устаревшее ныне слово: „рыцарь“». Автора этих строк Алексея Толстого, как и всю русскую эмиграцию, пережившую уже немало ужасов, потрясла смерть Владимира Набокова.

Сергей Таборицкий, неприкаянный белый офицер, стрелявший в спину Набокову-отцу в зале Берлинской филармонии, был также и плохим поэтом. Достаточно плохим, чтобы публиковать свои чувствительные стихи про туберозы, свежо рифмуя «наряд - сад», «цвету — чистоту» в эмигрантском альманахе «Луч света» рядом с призывами мстить евреям. Отсидев за убийство Набокова, он получил наконец работу. Во времена фашистской Германии Таборицкий стал важным эмигрантским начальником, выдававшим справки о расовой полноценности своим соплеменникам.

Набоков-сын переживал потерю долго и мучительно. Но. Нужно было работать и зарабатывать себе на хлеб. Переводчик статей для газет, составитель шахматных задач и шарад, преподаватель тенниса, английского и французского языков, сочинитель маленьких скетчей и пьес, голкипер в футбольной команде. Именно как переводчику ему

поступил заказ на перевод на английский язык Достоевского от издательства «Орбис». Его владельцем был Евсей Лазаревич Слоним, который, несмотря на державный русский антисемитизм и черту оседлости, получил высшее юридическое образование в Петербурге. Потом стал успешным коммерсантом. Владел несколькими домами в столице, всего лишился с приходом большевиков, начал в Берлине с нуля и снова добился успеха, основав русское издательство. У него была дочь по имени Вера.

Она любила Набокова, а если быть точным поэта Сирина (*Сирин – райская птица русского лубка – О.Е.*), именно под таким псевдонимом публиковал свои стихи Владимир Набоков, еще задолго до встречи. Она знала наизусть все его стихи и вела альбом, куда аккуратно вклеивала все его публикации и посвященные ему газетные статьи. Русских газет в Берлине в начале 20-х выходило около ста пятидесяти. Альбом был толстый. Под занавес одного из поэтических вечеров, на котором Сирин, сверкая грустными глазами, декламировал свои стихи, Вера, собравшись с духом, послала ему записку с предложением встречи. Но потом все-таки разволновалась. И надела маску.

Он пришел. И даже не очень удивился маске. Это было 8 мая 1923 года. А Вера и в маске покорила его сразу и безоговорочно. Хотя бы тем, что знала наизусть его стихи. Или еще тем, что, как и Набоков, различала цвета звуков. Они с Верой захлеб обсуждали бархатисто-малиновые оттенки звука «м» и льдистую прозрачность «л». Набоков стал часто играть в шахматы с Вериним отцом.

В мае 1925 года в берлинской ратуше был зарегистрирован брак 26-летнего Владимира Набокова и 23-летней Веры Слоним. Спустя некоторое время Набоков писал о своем тесте: «Он так хорошо понимает, что для меня главное в жизни и единственное, на что я способен, - это писать». Сама Вера тоже, должно быть, отдавала себе в этом отчет.

Владимир Набоков не умел:

Печатать на машинке

Водить автомобиль

Писать, когда за столом шумели

Не писать

Говорить по-немецки – при том, что прожил в Германии больше 10 лет

Владимир Набоков боялся:

Говорить по телефону – ему казалось, что телефон все искажает и он не поймет что-то самое важное в словах собеседника или, того хуже, что собеседник его не поймет

Летать на самолетах

Потерять Веру: лишиться ее совсем – да, разумеется, но и просто потерять – в суете, в порту или на вокзале

А Вера ничего не боялась. Она бесконечно перепечатывала то, что написал Набоков, возила его на машине, умоляла соседей не шуметь, вела телефонные переговоры, летала на встречи с издателями, а в портах и на вокзалах крепко держала мужа за руку. Но все это много позже. А сначала в Германии, она зарабатывала деньги и кормила семью.

Набоков, конечно, тоже старался. Давал уроки французского и английского. Но экономический кризис в Германии сократил число русских эмигрантов в разы. А кому он еще мог давать уроки – не зная немецкого. Их кормила Вера. Она тоже была учительницей, а еще переводчицей, секретарем, стенографисткой. Она работала даже тогда, когда Гитлер пришел к власти, и новое отношение к евреям стало очевидно. А Набоков... Набоков очень переживал из-за того, что Вере приходится рано вставать. Он любил поспать и терпеть не мог просыпаться в одиночестве. Еще Набоков писал. Почему-то именно с момента знакомства с Верой он все реже брался за стихи. И все чаще, все блистательнее и мучительнее – за прозу. Тиражи порой составляли порядка 500 экз. За

европейский период написаны почти все лучшие его книги, подписанные псевдонимом Сирин. В 1923 году вышли два сборника стихотворений «Горный путь» и «Гроздь» (оба посвящены памяти отца). Как прозаик, он начал с рассказов, первый роман «Машенька» был написан в 1926 году. Далее выходят «Защита Лужина», «Камера обскура» и др.

Все свои произведения он, по привычке, писал стоя и от руки, так и не научившись печатать: «Обычно мой день начинается за чудесной старомодной конторкой в моем кабинете. Потом, когда сила притяжения начинает пощипывать икры, я сажусь в удобное кресло за обыкновенный письменный стол, и, наконец, когда тяжесть ползет вверх по позвоночнику, я ложусь на диван в углу моего маленького кабинета. Приятно подражать солнечному расписанию. Но когда я был молод, лет в двадцать и до тридцати с небольшим, я часто целый день оставался в постели, курил, писал.

Как я работаю. Схема предшествует всей картине. Я заполняю пустые клетки в кроссворде в любом удобном мне месте. Эти кусочки я записываю на библиографические карточки, пока роман не будет окончен. У меня достаточно гибкое расписание, но я довольно требовательно отношусь к своим инструментам: разлинованные бристолевские карточки и хорошо отточенные карандаши, не слишком твердые с ластиком на конце.

10 мая 1934 года в Берлине появился на свет Дмитрий Набоков. Его родители были слишком любимы в своих семьях, чтобы представить, что их ребенок может хоть в чем-то нуждаться. И Набоков договаривался со знакомым поэтом, который уже давно махнул рукой на музу и, облачившись в ливрею, служил шофером у какого-то богача. За умеренную мзду в свободное время ливрейный поэт катал трехлетнего Дмитрия по Берлину в «роллс-ройсе». Наверное, родители считали, что это полезно для детского организма – учиться смотреть на мир через окно «роллс-ройса».

В 1937-м, спасаясь от фашизма, Набоковы перебрались во Францию, а в 1940-м эмигрировали в США, в 1945-м году Владимир Владимирович принял американское гражданство. В Америке Набоков перешел как писатель на английский язык, несмотря на мучительность этого перехода, в чем он неоднократно признавался: «Из двух инструментов, находящихся в моем распоряжении, один – мой родной язык – я уже не могу использовать, и дело здесь не только в отсутствии русской читательской аудитории, но еще и в том, что напряженность литературной жизни в русской среде постепенно упала с тех пор, как я обратился к английскому в 1940 году. Мой английский, второй инструмент, которым я всегда обладал, негибкий, искусственный язык, может быть, и подходит для описания заката или насекомого, но не может обнаружить синтаксической бедности и незнания местных средств выражения, когда мне нужна кратчайшая дорога между складом и магазином старый «роллс-ройс» не всегда предпочтителен обыкновенному джипу».

Америку же он воспринял как землю обетованную. Много лет спустя в интервью Набоков объяснит ей в любви: «Америка – единственная страна, где я чувствую себя интеллектуально и эмоционально дома». За 20 лет жизни там написаны романы «Истинная жизнь Себастьяна Найта», «Другие берега» и др. Перу Набокова принадлежит четырехтомный перевод на английский язык пушкинского «Евгения Онегина» с комментариями к нему, а также «Николай Гоголь», изданная в 1944 году в США на английском языке. Именно живя в Новом Свете и став англоязычным писателем, Набоков приобрел всемирную известность. А ведь начале американские издатели рекомендовали Набокову писать попроще, побольше раскрывать на страницах свою душу и вообще попробовать себя в сочинениях мистических романов для домохозяек. Писатель зарабатывал на жизнь «литературным коммивояжерством» - разъезжал по женским клубам и другим столь же интересным аудиториям с лекциями о русской литературе.

Как ни странно, по приезду в Америку Набокову было весьма трудно устроиться преподавателем в американском университете. В Йельском университете это не удалось, несмотря на ходатайство и великолепное знание английского языка. Первое приглашение пришло из Стенфорда от профессора Генри Ленца - прочитать лекции по литературе на летних курсах (В Стенфорде еще остались воспоминания о чудаковатом профессоре

Ленце, питавшем слабость к девочкам-подросткам. Возможно, где-то там тогда вспыхнуло это счастливо найденное понятие «нимфетка». А потом уже по разным крупницам стал собираться образ Лолиты).

Набоков был фантастическим преподавателем. Требовал от студентов составить список содержимого сумочки Анны Карениной. рисовал на доске карту Дублина Джеймса Джойса или план спального вагона поезда Санкт-Петербург - Москва в начале 1870-х годов, - он считал, что без знания этих вещей ни «Улисса», ни «Анну Каренину» не понять. Недовольный чужими переводам, сам переводил к лекциям стихи очередного поэта. И читал так, что каждое его занятие кончалось аплодисментами. В числе прочих аплодировала женщина в строгом черном платье. Седина странно контрастировала с ее потрясающе свежим, молодым лицом. Она сопровождала Набокова на каждой лекции. Рисовала на доске схемы, когда они требовались. Поднимала выпавший из пальца профессора мел. Подсказывала ему цитаты и безошибочно находила нужный отрывок в книгах. Раздавала студентам проверенные работы. Набоков называл ее «моя ассистентка». Она была его женой. И в десятый и в сотый раз аплодировала набоковским прозрениям о Гоголе, Пушкине и Толстом. А после лекций везла его домой. После семестра снова везла – за сотни миль, на юг или на запад, где обитали редкие виды бабочек, без которых Набоков не мог жить точно так же, как без литературы. А она не могла жить без него. С непостижимой для многих и недоступной почти никому искренностью она любила своего мужа.

Осенью 1998 года нью-йоркский книжный магазин, специализирующийся на продаже антикварных книг и редких изданий, приобрел у сына писателя Дмитрия, около 200-х сот книг, принадлежавших семье Набоковых. Именно на выставке книги предстали единым собранием в последний раз. Часть из них была куплена библиотеками, университетами, коллекционерами и частными лицами. Часть книг купил Корнельский университет, где в течении более 10 лет преподавал писатель.

Особую группу составили книги с автографами Набокова: 75 книг с нежными и шутивными надписями его музе – жене Вере – и для нее же нарисованными бабочками; 36 книг, надписанных двоюродной сестре Веры – Анне Фейгин, и родной ее сестре – Соне Слоним.

Бабочки, слетевшиеся на титульные листы и форзацы книг, - воплощение его любви к Вере: «удвоенное В.Н.» было буквенным выражением слияния их душ и судеб. Каталог выставки так и назывался «Верини бабочки».

Многие люди, видевшие репродукции этих рисунков, первым делом спрашивали: «Изображены ли здесь настоящие бабочки, или же это – плод воображения?» Ответ находится посередине, ибо здесь пленительно смешались действительность и вымысел. Набоков был профессиональным рисовальщиком настоящих бабочек.

Еще в юности Набоков сделал их изображение своей именной печатью: на официальной фотографии, снятой в детстве, на первом стихотворении, скопированном для семьи и друзей в 15 лет, в первой книге стихов в 16, в рукописных альбомах со своими стихами, в своей прозе и стихотворениях, письмах и кратких посвящениях. В одном из писем к другу и критику Эдмунду Уилсону вместо подписи Набоков нарисовал двух бабочек, парящих над неприкаянной парой башмаков. Своему другу лепидоптеристу (коллекционер бабочек – О.Е.) Сайрелу дос Пассосу он послал рождественскую открытку с гравированным видом Корнельского университета в декабре, подрисовав порхающую над снегом бабочку. Даже стены жилищ не были застрахованы от его пера: он набросал эскиз бабочки на стене ванной в доме своего приятеля по университету Мориса Бишопа. Другая бабочка оказалась поверх сделанной в форме листьев абажура, над высоким столом в номере отеля Монтре Палас над тем самым столом, за которым он написал свои последние романы и работал над незаконченными «Бабочками Европы» и «Бабочками в искусстве».

Набоков никогда не надписывал книг незнакомцам. Но даже друзьям редко удавалось вместе с его подписью заполучить рисунок бабочки. Только самым близким он обычно дарил книги, украшенными изысканными, выполненными ручкой или цветным карандашом рисунками бабочек. В последние 20 лет жизни самые щедрые и импозантные бабочки предназначались Вере.

Для Владимира и Веры Набоковых неуловимое в природе, искусстве и воображении значило куда больше, чем накопление материальных благ. Несмотря на то что «Лолита» обогатила Набокова, он знал, что в день ее рождения, на Рождество, на годовщины их первой встречи и свадьбы Вере было гораздо приятней получать в дар традиционный рисунок бабочки на одной из его книг. Теперь у него хватало времени, чтобы доводить эти рисунки до совершенства. Выполненные карандашом на форзацах, шмуцтитулах и титульных листах, рисунки бабочек были идеальным подарком жене – соучастнице всей литературной жизни писателя. Бабочки являлись завершающим штрихом к механически воспроизводимому посвящению «Вере» во многих опубликованных книгах; они становились именной печатью Набокова. Нареченные одною из форм ее имени, бабочки часто изображались в радужных тонах, тонах, которые содержали некий сокровенный смысл для них обоих.

Летом 1956 года Вера снова везла его в экспедицию за бабочками. Набоков с упоением рассказывал ей, каких волшебных особей намерен поймать (в одном из интервью он сказал: «Удовольствие от литературного вдохновения и вознаграждение за него – ничто по сравнению с восторгом открытия нового органа под микроскопом или еще неизвестного вида в горах Ирана или Перу. Вполне вероятно, что, не будь революции в России, я бы целиком посвятил себя энтомологии и вообще не написал никаких романов»).

Вера молча кивала. А потом вдруг – без всякой связи с дорогими бабочками – произнесла: «Это должно было произойти на 30 лет раньше».

Но им еще оставалось 20 лет, теперь уже безоговорочно счастливых. В 1961 году они перебрались в Швейцарию в курортный городок Монтре, который еще в студенческие годы поразил его «совершенно русским запахом здешней еловой глуши». Семья поселилась в отеле Монтре Палас. Многие говорили, что это неразумно: на деньги, которые уходили на оплату половины этажа в шикарной гостинице, можно было купить в Швейцарии хоть замок. Но им не нужен был замок. «Комфорт нужен мне не для комфорта, а для того, чтобы не думать о нем и спокойно работать», – говорил Набоков. Он как всегда работал. Вера вела всю переписку и переговоры. Он радовался оперным успехам сына Дмитрия, когда он стал певцом, и с ума сходил от его аварий, когда тот стал автогонщиком.

Его политические убеждения остались такими же неизменными «как старый замшелый утес». Он говорил: «Они настолько классические, что их можно назвать банальными. Свобода слова, свобода мысли, свобода творчества. Проблема социальной или экономической структуры государства меня не слишком волнует. Мои желания скромны. Портреты глав правительства своими размерами не должны превышать почтовую марку».

По утрам Набоковы сидели на балконе и любовались горами и озером. По вечерам играли в русский скрабл (игра в слова для 2,3 или 4-х игроков, заключается в составлении взаимосвязанных по принципу кроссворда слов на игровом поле – О.Е.), купленный перед отъездом в Нью-Йорке. Вера играла очень сильно и аккуратно. Набоков – бурно и блестяще. Только он часто сочинял несуществующие слова и доказывал их правильность, пока Вера не шла за словарем Даля. У них были одни очки и одна записная книжка на двоих. Когда Вера улетала в Америку на встречу с издателями, Набоков писал ей каждый день. Да еще умудрялся перед отлетом незаметно засунуть в чемодан нежную и дурашливую записку. А иногда вдруг снова сочинял влюбленные стихи. Им было уже за семьдесят.

Потом была маленькая бабочка с надписью «ну вот, наконец-то» в день 50-летия их свадьбы. А потом последовала самая их долгая 14-летняя разлука, и письма были уже невозможны. 2 июля 1977 года, когда медсестра вышла из палаты в слезах и попыталась обнять Веру, та отстранилась со словами: «Прошу вас, не надо, мадам!» Она не терпела сцен. Вечером Дмитрий отвез ее в отель, он вспоминал: «По дороге мама молчала. А потом вдруг совершенно спокойно сказала: «Давай найдем аэроплан и разобьемся». И добавил: «Часто представляют маму какой-то слишком уж железной и суровой, а отца – покорным и не от мира всего. Это не совсем так. Мама... Мама была страшно нежная, страшно милая. Она была очень...как это сказать... Очень частным человеком. И очень любила папу».

Белла Ахмадулина пишет в своей книге: «Мы поднялись на кладбище Монтре и долго неподвижно стояли возле мраморных могильных плит Владимира Владимировича и Веры Евсеевны Набоковых.

Внизу ярко, по-зимнему серьезно, мерцало Женевское озеро, цветные автомобили мчались во Францию, в Италию, в Германию – кто куда захочет. Справа, в невидимой прибрежной глубине, помещался замок «Шильонский узник». Пространная лучезарная округа, ограниченная уже заснеженными горами, отрицала свою тайную связь с Петербургом, станцией «Сиверская», с Вырой, Рождественом, солнце уходило в обратную им сторону.

Наверное, нет лучшего места для успокоения, чем это утешное, неоспоримое кладбище. Но нам, остро сведенным тесным сиротским братством, невольно и несправедливо подумалось: «Почему? За что?»

Увы... Ответа нет. Нам остается только вспомнить какими словами отозвался на смерть Набокова-отца писатель Иван Бунин, и которые с полным правом относятся к Набокову-сыну: «Даже если Господь пошлет в будущем „новой" России самые щедрые блага, когда еще снова увидит она Набоковых?»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Набоков В.В. Другие берега : роман. Весна в Фиальте : рассказы. – М. : АСТ, 2004. – 461 с.
2. Набоков В.В. Стихи и комментарии : заметки для авт. вечера 7 мая 1949 года / вступ. ст., публ. и коммент. Г.Б. Глушанок // Наше наследие. – 2000. – № 55. – С. 74-89.
3. Набоков В.В. Стихотворения поэмы / сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В.С. Федорова. – М. : Современник, 1991. – 574 с. – (Феникс. Из поэтического наследия XX века).
4. Ахмадулина Б.А. Миг бытия : воспоминания, эссе / сост. О.П. Грушников, Б.А. Мессерер. – М. : Аграф, 1977. – 304 с. : ил. – (Символы времен).
5. Бойд Б. Верины бабочки / Б. Бойд, К. Джонсон // Наше наследие. – 2000. - № 52. – С. 96-103.
6. [Владимир Набоков] // Звезда. – 1999. - № 4. – Темат. номер: к 100-летию со дня рождения.
7. Денисова С. Жена Набокова // Огонек. – 2002. - № 18. – С. 44-46.
8. «Дорогой и милый Одиссей...» : Переписка В.В. Набокова и В.М. Зензинова / вступ. ст., публ. и коммент. Г.Б. Глушанок // Наше наследие. – 2000. – № 53. – С. 76-115.
9. Зубцова Я. Главный роман Владимира Набокова / Я. Зубцова, Ю. Зубцов // Домовой. – 2003. - № 5. – С. 94-100.
10. Лазарев В. Гербарий живых мгновений // Наше наследие. – 2000. - № 55. – С. 90-91.
11. Ледковская М. Заметки о Набоковых // Наше наследие. – 2000. - № 55. – С. 92-97.
12. Макушинский А. Вера Набокова или «дубль В» русской литературы // Крестьянка. – 2008. - № 11. – С. 82-91.
13. Набоков Д. Картинки на стене, или Семейное дело Набоковых : [беседа с сыном В.В. Набокова Дмитрием] / вел Д. Минченко // Огонек. – 2004. - № 3. – С. 59-63.
14. Набоков Н. Багаж. Ч. 2 : Между войнами / пер. с англ. Е. Большелавовой, М. Шерешевской // Звезда. – 1998. - № 10. – С. 75-124.
15. Романова А., Воспитание Набокова / А. Романова, С. Юрьев // Домовой. – 1995. - № 9. – С. 136-144.
16. Три интервью с Владимиром Набоковым / пер. с англ. Д. Федосова // Иностран. лит. – 1995. - № 11. – С. 233-248.
17. Эмис М. Визит к госпоже Набоковой / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой // Иностран. лит. – 2005. - № 10. – С. 75-214.

